Аргументы и факты. – 1997. – №25 июнь. – с.16

Наталия Белохвостикова родом из Лондона

Есть большие сомнения, точно ли иностранцы имеют представление о том, что такое русское кино. Но факт остается фактом. О Наталии Белохвостиковой на Западе писали как о великой славянской актрисе.

Фото Геннадия Усоева

МНЕ как-то везло: меня всегда хорошо смотрели. Я действительно читала о себе слова, которые неловко повторять! Но... это не залог того, что будет везти всегда. Удачу нельзя спрогнозировать. Ни одна роль, ни один успех не гарантия, что снова позовут.

- Наверное, в какой-то мере гарантией может служить муж - режиссер? Да и сниматься у собственного мужа намного ли проще?

- Намного сложнее. И не потому, что он с меня больше требует. Хотя, конечно, требует больше, поскольку знает меня лучше и знает, что я могу. Но мне морально тяжелее сниматься у Наумова. Получается, что я не только играю, как любая другая актриса, но еще - как жена - вижу все, что происходит вокруг, и рвусь чем-то помочь. Как дома, когда я могу это сделать. Если отчего-то съемка срывается, как это постоянно и бывает, я готова все отдать, только бы было как надо! При этом я знаю, что он будет дергаться, если мне холодно. Если я больна, этого никто, кроме него, не знает. Мы просто близкие, родные люди. Но это ни в коей мере не снимает с меня ответственности. Наоборот, мне очень стыдно, если я что-то не так делаю. Но больше всего я люблю то время, когда он снимает фильм, а я в нем снимаюсь. И мы все время вместе.

- Вашему мужу часто приходится отваживать поклонников?

- Кажется, не случалось. Хотя бывали, конечно, люди, которые "приходили в дом". Как у каждого человека моей профессии. Это меня неизменно удивляет: ведь та я, что на экране, абсолютно не имеет отношения к той, которая в жизни. Почему люди путают? И нет силы, которая могла бы эту разницу доказать.

Хотя один только грим иногда накладывается три-четыре часа. В картине "Тегеран-43" - пять часов. Вдуматься только: пять часов я провела в гримерном кресле, прежде чем стала своей героиней! Я никогда не играла себя. Когда-то в юности, в своей первой роли в картине Сергея Герасимова, "У озера", я говорила: "Я Лена Бармина. Мне восемнадцать лет..." И всю жизнь расхлебываю. Я не была Леной Барминой, я играла совершенно другого человека! Общими у нас были только восемнадцать лет...

Один-единственный раз моя героиня была на меня похожа, несмотря на военную тематику фильма ("Десять лет без права переписки"). Нелепая такая женщина, совершенно беззащитная, тридцать три несчастья. Вот это я по сути. И за двадцать семь лет, что снимаюсь, защищеннее я не стала. Кино не делает человека защищенным. Скорее наоборот. Это героини мои такие яркие, крепко стоящие на земле.

- Однако их костюмы очень вам идут.

- У меня к ним такое... мистическое отношение. Иногда думаю: может быть, я уже жила когда-то, все это носила? Когда я первый раз в жизни, еще студенткой, надела длинное до пят платье, было ощущение, что я в нем родилась. Мне не только не было неловко, но казалось совершенно нормальным выйти в нем на улицу, свободно передвигаться... Все-таки, видимо, все женщины похожи. Это времена разные. А любят всегда одинаково. Теряют одинаково и страдают одинаково.

- Наталия Николаевна, согласитесь, вы всегда играли на удивление мало. Одну-две роли в год. Что это, редкая разборчивость, которую может себе позволить только жена режиссера?

- Просто я никогда не снималась в двух картинах одновременно. Считала, что надо принадлежать одной вере. Мне всегда казалось, что, если набрать много, можно по пути что-то растерять. Зато я с нежностью отношусь к каждой роли. Я действительно никогда не играла того, чего не хотела играть. И сейчас не скажу, что мои отказы от ролей - по каким-то тем, давнишним, соображениям - были блажью или капризом. Сейчас уже много прожито, пережито. Но я понимаю, что когда-то так поступала, потому что была такой.

- Теперь наступает мудрость?

- Наступать-то наступает, но наступает очень медленно. Я думаю, это еще от профессии. Эмоциональные мы, актеры, люди. Сколько бы ни было лет - двадцать, тридцать, семьдесят. Алена Делона я толком не успела узнать за время съемок "Тегерана-43", поняла только, что он нервничает, как ребенок. И Смоктуновский нервничал. Я видела, как он волновался перед съемками. Уже больной, звонил из реанимации, волновался о картине. Я его помню в "Легенде о Тиле". Он волновался, потому что считал, что не имеет права ошибаться: актерская гордость не позволяла. Он подыскивал каждое слово, жест, ходил и сам себе что-то говорил, что-то такое сам с собой репетировал. Боялся проиграть. Это мужское качество? Свойство звезды? Актер - большой ребенок. Вот и Тонино Гуэрра, с которым мне посчастливилось работать в последней картине, - огромный, колоссальный, гениальный ребенок со всеми вытекающими последствиями. Если дано такое дурачество сохранить, по-моему, это самое великое приобретение за всю жизнь.

- И предмет зависти?

- Я завидую только людям, которые что-то пишут: писателям, художникам. И только самой белой завистью. Сама я ничего такого не умею и могу только подозревать, какое это удивительное состояние перед чистым листом бумаги! Совсем иное, чем перед камерой. Все-таки актер - человек зависимый. Мы зависим от массы обстоятельств: от света, погоды и т. д. Я ловлю себя на том, что научилась покорно ждать, и это состояние ожидания меня не тяготит и не раздражает.

- К тому же вы умеете быть объектом вдохновения, что немаловажно в доме, где есть пишущий-рисующий. Ваши портреты на стенах гостиной, конечно, принадлежат кисти Владимира Наумовича?

- Как ни странно, за все годы муж нарисовал только один мой портрет. Когда мы начали снимать "Десять лет без права переписки", он вдруг - впервые в жизни - это сделал. Перед премьерой фильма на ТВ у нас был прямой эфир, и режиссер, который за нами заезжал, сказал: "Возьмите, пожалуйста, с собой портрет". Мы взяли, и его у нас украли. К моменту окончания прямого эфира и началу фильма этой огромной картины уже не было. До сих пор не знаю, как ее можно было унести и кто это мог сделать.

- У вас взрослая дочь, тоже Наталия, тоже актриса. Вы не боитесь за ее судьбу?

- Я боюсь за них всех. Многим из них не дано даже быть узнанными. Но молодые сейчас уверенно себя чувствуют. Профессия для них не означает, что они будут заниматься ею одной. Моя дочь хорошо говорит по-английски, многое умеет, я надеюсь, что она реализуется.

- Она не похожа на вас.

- Да, и не только внешне. Она росла иначе. Я думаю, все мы формируемся где-то там, в глубоком детстве. Мое раннее детство прошло в Лондоне, поскольку папа был дипломатом. Я помню, мама говорила: "Ты из России, из Москвы. В Москве идет снег..." И, когда меня привезли в Москву, он действительно шел. Помню, когда летели из Лондона, очень хотелось спать, и я сказала маме: "Когда самолет будет падать, ты меня разбуди". Было такое странное ощущение знания того, чего никогда не видела. Я знала, что это Родина, и всю жизнь это знаю.

Может быть, оттого такое щемящее желание скорее вернуться, куда бы я ни уезжала. Меня тянет на Патриаршие, где я росла; к Тишинке, у которой давно живу и которой теперь нет. Тишинский рынок, Тишинка - это было каким-то чудом. Там обитали бабушки, которые, завидев меня, говорили: "Ох, Наташа, что-то ты бледненькая, вот попей травки, этой столько-то завари, а этой столько-то". - "А сегодня ты поправилась, а как дочка, как муж?.."

- Эти бабушки хвалили ваши актерские работы?

- Бабушки - они не теоретизируют. Они или любят, или нет.

Наталья КРУШЕВСКАЯ